

☆ Ксения Медуза ☆

Ордер

☆ на ☆
КОСМОС

Ксения Медуза

Ордер на космос

<https://litres.ru/74247382>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что получится, если столкнуть жесткий мир бухгалтерии и абсолютный кошачий хаос?

Алла Васильевна привыкла безропотно тащить на себе всё — от годовых отчетов до безалаберных коллег. Но её идеальный, выверенный годами порядок рушится в щепки, едва на пороге появляется слепой кот Васька.

Чем обернется для вечной «тяговой лошади» встреча с самым космическим учителем в ее жизни?

Содержание

1	4
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ксения Медуза

Ордер на космос

1

— Коля, — выдохнула Алла Васильевна, — поставь коробку!

Николай, новый сотрудник и ходячая угроза Трудовому кодексу, застыл в полуприседе. В его руках трещал архивный короб, похожий на оскверненный вандалами артефакт. Из-под криво наклеенного скотча сиротливо торчал помятый хвост накладной. Крышка топорщилась: короб категорически не желал возвращаться в бухгалтерскую гробницу годовой отчетности.

— Да сейчас все сделаю, — бросил он.

Подпирая картон бедром, Николай начал новый штурм. К силе мышц присоединился русский мат, стыдливо срезанный до шепота. Алла Васильевна прикрыла лицо рукой, мысленно содрогнувшись. Она искренне верила: оставь среднестатистического сотрудника без присмотра на десять минут, и он непременно разведет костер посреди кабинета во имя принтера. Николай явно планировал стать вождем. В его понимании «архивировать документы» означало запи-

хоть все внутрь с ноги и затолкать так, чтобы никто не решился вскрыть бумаги повторно.

Стеллаж отозвался глухим страдальческим стоном. Этажом ниже тревожно звякнули папки за второй квартал.

— Коля...

— Да у меня просто угол не пошел!

— Коля, ты сейчас рухнешь и похоронишь под тремя центнерами макулатуры всю мою годовую сверку. А потом уйдешь на трехмесячный больничный, который рассчитывать придется мне.

— Неправда, — заявил Николай, но без особой уверенности.

На лице Аллы Васильевны застыло выражение глубокой скорби — так врач смотрит на пациента, засунувшего в рот лампочку. Тяжело вздохнув, она поднялась из-за стола. Юбка-карандаш без единой складки и блузка белее офисной бумаги подчеркивали безупречную геометрию ее движений.

— Ты ранишь мое чувство прекрасного.

Она ловко перехватила объемную ношу. Николай услужливо отскочил, вытирая пот со лба. Опустив коробку на стол, Алла Васильевна одним движением сорвала уродливый скотч, сняла крышку и запустила руку внутрь бумажного хаоса. Короткий пас — и тяжелые папки скользнули на дно, а легкие файлы легли наверх. Воздушный карман исчез.

— Господи, — выдохнул Николай с неприкрытым восхищением. — Вы будто щупаете их. Прямо чувствуете, где ка-

кая плотность. Я так только арбузы умею выбирать.

Алла Васильевна замерла. Медленно повернула голову. Николай стоял с абсолютно серьезным лицом. Он не шутил.

— Спасибо, Коля, — сухо ответила она. — Я запомню это сравнение. Очень... образное.

Поправляя очки, она чуть повела рукой. Стоявший за спиной Николай рефлекторно прикрыл лицо локтем. Но Алла Васильевна уже вернулась в свой идеальный мир порядка.

На столе ожил телефон. Она нажала «принять» и поднесла трубку к уху:

— Слушаю.

Голос на том конце торопливо засыпали паникой про «разрыв», «два миллиона» и «ничего не сходится». Она выслушала тираду молча, прижимая указательным пальцем переносицу очков.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Скиньте выписку на начало дня. Я проверю.

Алла Васильевна нажала «отбой» и вернулась к коробу. Опустила крышку — она легла мягко, со звуком закрывающейся двери «мерседеса». Используя инерцию и правильный захват, она точным движением отправила короб на полку. Там он встал в безупречный ряд к своим одиннадцати близнецам.

— Свободен, Николай. И упаси тебя бог еще раз собирать архив в пятницу.

«Или вообще собирать что-то сложнее лего», — мыслен-

но добавила она.

Николай у двери обернулся с искренним недоумением:

— А все-таки, если подумать, арбузы сложнее. Там же не видно, что внутри. А тут — накладная, и сразу ясно. С вами проще.

Алла Васильевна медленно потерла висок. Промолчала. Потому что возразить нечего и не за чем.

В кабинете воцарилась священная тишина. Огромный монитор сиял таблицами «1С», где цифры сходились копейка в копейку. Рай перфекциониста. Мифический разрыв на два миллиона оказался всего лишь лишним нулем. Заставь дурака богу молиться... Один щелчок мышью — и цифры послушно дрогнули, встав на свои места. Вот теперь все красивенько.

Стрелки часов неумолимо отстукивали финальный отсчет до пяти вечера. Алла Васильевна сплела пальцы в замок. Впереди, как приговор налоговой, высилась территория, где законы порядка и физики не действовали в принципе. Пятница. День рождения сестры... В ее квартире бурлил филиал ада из трех детей, способных разобрать на запчасти атомный реактор. И сама сестра верила, что «пусть дети бесятся, лишь бы не плакали». Муж ее, вечно уставший дальнобойщик, по «счастливой» случайности сегодня укатил в рейс.

В мыслях Аллы Васильевны трусливо проскочила идея: соврать, что работы много. Отчетность. Налоговая. Сверка. Годовая. Квартальная. Любая...

Едва Алла Васильевна взяла телефон, мессенджер взорвался очередью голосовых от Тани: «Аллочка, привет! Заскочи в магазин, пожалуйста. Я тут торт вчера ночью съела, сама не знаю как... Мне-то пофиг, но для детей нет торта — нет праздника. И крабовые палочки еще! Забыла! Денег переведу, и... КИРИЛЛ, НЕ ТРОГАЙ РОЗЕТКУ! Аллочка, я снова тут. И еще хлеба возьми. Белого, черный никто не ест и... КИРИЛЛ!...»

Вместо того чтобы сначала заскочить домой и скинуть костюм, придется рулить напрямик к супермаркету. Из аудиопотока Алла Васильевна деловито отфильтровала список продуктов. Выключила компьютер. Взяла большую коричневую сумку, в которую папка-регистратор помещалась, даже не помявшись.

Она еще не знала, что ее тоже ждет «подарок». Ведь в мире все работает по закону бухгалтерского баланса: если в одном месте убыло, в другом обязательно прибудет.

К сестре Алла Васильевна заходила с чувством человека, который добровольно шагает в клетку к тиграм. В прихожей встретил запах, плотный, осевший на одежду за секунду. В нем смешались подгоревшие котлеты, детский шампунь с приторной химической сладостью и что-то неуловимо кошащее. Из глубины комнаты доносился грохот. Судя по звуку, падали небольшие метеориты. Или один крупный, но очень шумный ребенок.

— Тетя Алла! — визг покрыл все допустимые децибелы. Алла Васильевна инстинктивно бросила сумку на трюмо, чтобы сберечь тюльпаны, а пакет на пол. В коридор вылетел снаряд в виде племянника Пашки — семь лет, ножки-спички, энтузиазм реактивного двигателя — с разбегу впечатался тетке в живот, чуть не выбив из нее весь воздух. Пришлось сдаться на милость победителя: Алла Васильевна вздохнула и ласково потрепала мальчишку по кудрявой макушке. Пашка, впрочем, нежностями наелся за секунду и уже вовсю совал нос в пакет с продуктами.

За шустрым братом, как хвост кометы, прибежала шестилетняя Соня. Правда, скорость племянница сбавила еще на пороге. Она чинно волокла куклу с оторванной рукой за волосы — пострадавшая игрушка провожала потолок стеклянным, равнодушным взглядом. Соня молча подошла ближе,

дождалась очереди и аккуратно обняла Аллу Васильевну, получив в ответ поцелуй в макушку. Взгляд Сони намертво прилип к букету цветов, запечатанному в бумагу. Секундное замешательство сменилось бурей восторга. Пискнув от счастья, она бесцеремонно выхватила кулек из сумки, мгновенно забыв про куклу и тетю.

Завершил процессию трехлетний Кирюша. Он споткнулся о порог, вспахал лицом стопку обуви и затих. Обувь не пострадала. Кирюша поднял голову и почесал макушку, будто решая, стоит реветь или нет. Плакать в итоге не стал — отложил на другой раз.

Алла Васильевна охнула, перешагнула через пакет и подхватила младшего под мышки. Кирюша послушно обмяк в руках, позволяя вернуть тело в вертикальное положение, но едва стопы коснулись линолеума, ребенок тут же ляснулся. Не теряя ни секунды, Кирюша целеустремленно двинулся на таран ползком, чтобы быстрее добраться до конфет, которые Пашка уже выуживал из пакета. Круг замкнулся. Счастливое детство официально вступило в права.

— Аллочка! — из кухни высунулась Таня. Замученная, но улыбающаяся, той особенной улыбкой, которая держится на чистом упрямстве. Фартук в муке, волосы торчали в разные стороны, а взгляд горел тем огнем, который зажигается у матерей после двух суток без перерыва на сон.

— Продукты привезла? Хлеб? Крабовые палки не забыла?

— Не забыла.

— Слава богу! — Таня взмахнула руками — с пальцев полетели капли воды — и крепко, по-медвежьи прижала сестру к себе, пачкая ее мукой. — Как я рада тебя видеть, ты бы знала. Заходи, раздевайся.

Она забрала пакеты у детей и ушуршала в зал, где полным ходом шло сооружение праздничного стола.

Алла Васильевна отряхнула юбку, сняла пальто и поспешила раздать детям презенты, пока те не впечатались в нее липкими руками. Паша получил машинку и унесся с воплем, похожим на боевой клич индейца. Соне досталась раскраска с принцессами, а Кирюша получил мягкого зайца, которого тут же попытался засунуть в рот. Последний сверток Алла Васильевна приберегла для сестры. Она прошла в зал и протянула подарок со словами:

— Танюш, это тебе. С днем рождения, моя хорошая.

— Ой, мне?! — Таня всплеснула руками и бережно приняла подарок.

Под слоями хрустящей пергаментной бумаги обнаружился мягкий халат глубокого винного цвета. Ткань выглядела настолько плотной, струящейся и благородной, что на фоне засыпанного крошками ковра казалась вещью из параллельного мира. Таня осторожно провела ладонью по невероятно мягкому велюру, словно боялась испачкать, и на мгновение на ее лице отразился чистый девичий восторг.

Детская банда, завидев редкую роскошь, мгновенно бросила свои игрушки и плотным кольцом облепила мать. Па-

ша уже тянул липкие пальцы к шелковому канту на рукаве, а Соня уткнулась носом в подол, оценивая мягкость.

— Мама, покажи, пушистый! Дай! — заголосили трое наперебой. Кирюша и вовсе попытался завернуться в винный шлейф прямо на полу.

— А ну, брысь, саранча! Руки убрали! — беззлобно, но весьма решительно прикрикнула Таня и профессиональным движением бедра отодвинула Пашу, приподнимая подол от греха подальше. — Испортите — до совершеннолетия сладкого не увидите. Соня, положи цветы пока на комод, сейчас вазу достану.

Воспользовавшись моментом, пока внимание детей полностью переключилось на тактильный аттракцион, Алла Васильевна взяла вазу и ушла в ванную — и руки помыть, и воды для цветов набрать. Многозадачность.

Из зала доносился привычный грохот стульев и голос сестры, которая в одиночку и без лишней паники пыталась победить застольную логистику. Суматоха для нее — естественная среда обитания.

— Аллочка! — крикнула Таня из зала, отбиваясь от очередного штурма. — Зайди на кухню, за тарелками! Паша, господи, принеси наконец скатерть с цветочками!

Алла Васильевна оставила вазу в ванной и послушно двинулась на кухню. На пороге ее догнал звонкий крик сестры: — Только дверь прикрой плотно! Там кот!

Алла Васильевна кивнула с мыслью: «Кот — это хорошо, просто замечательно. А почему на кухне?»

Она аккуратно притворила дверь. На кухне держалась относительная тишина, нарушаемая лишь утробным кипением яиц в кастрюле. Пахло остывшим пережаренным маслом и приторной детской парфюмерией. Под столом, намертво вжавшись в стык между ножкой и стеной, затаилось нечто полосатое, тощее и подневольное. Зверь сливался с тенью так безупречно, что сначала напомнил брошенную половую тряпку. Но «тряпка» мерно дышала. И смотрела. Точнее имитировала процесс.

Глаза у кота оказались угольно-черными. Бездонными, без намека на зрачок и радужку — будто в морду плеснули две жирные чернильные кляксы и забыли про детали. Кот застыл каменным изваянием, уставившись прямо перед собой. Его взгляд уходил в никуда, в вечность, прямиком в открытый космос. Усы растопырились антеннами, а уши крутились как локаторы, ловя малейший чих из коридора. В его слепой, напряженной концентрации сквозила странная, почти пугающая грация.

— Здравствуй... — едва слышно сказала Алла Васильевна.

Кот демонстративно зевнул, обнажив розовый лоскут языка и игольчатые зубы, после чего вернулся к созерцанию стены.

В зале что-то грохнуло. Кот и Алла Васильевна синхрон-

но вздрогнули. Похоже, Кирюша все-таки переоценил прочность мебели и шумно катапультировался со стула. Квартиру сотряс оглушительный рев на запредельной ноте. Из комнаты долетел будничный, закаленный в боях голос Тани:

— Ну че разорался? Сам же полез. Вставай давай, не сахарный. Паша, скатерть стели, не отвлекайся! Соня, помоги ему!

Алла Васильевна выдохнула и повернулась к шкафчику с посудой. Принялась пересчитывать тарелки: Таня, Паша, Соня, Кирюша, она сама. Пять штук. Две с одного комплекта, три с другого. Замерев на секунду, Алла Васильевна скосила глаза на кухонного отшельника и, повинувшись непонятному порыву, вытащила шестую — маленькую, десертную. Покрутила ее и вернула на место. Приборы тоже все под счет, как и положено.

Спустя полчаса, когда цветы устроились в вазе, тарелки перекечевали в зал, а праздничный ужин, наконец, разъехался по порциям, в доме поутихло. Углеводы сработали как временный клей для детской гиперактивности — банда жевала с угрюмым, глубоким сосредоточением, прерываясь лишь на чавканье и дежурные кляузы вроде: «Мам, она у меня котлету отжимает!»

Алла Васильевна неторопливо доедала крабовый салат. Без майонеза, который благополучно испарился из Таниной памяти, салат оказался неожиданно съедобным. Свежо, хрустит, почти диетическое блюдо.

Едва тарелки опустели, Таня выставила детвору смотреть мультики, скрепив депортацию обещанием выдачи торта по первому зову. Сестры, наконец, остались одни. Таня оперла голову на кулак с умиротворенным видом.

— Ты где этого пушистого оборванца нашла? — спросила Алла Васильевна, прожевав последний кусок котлеты.

— Соня притащила с помойки. Принесла и заявила: «Мама, он без глаз, но с душой». Как тут откажешь? Пришлось брать. — Таня устало ковырнула ложкой остывающее пюре. — Но тяжело ему здесь: прячется, гадит везде и всюду, царапается. Не место ему в нашем филиале безумия.

— Отдайте кому-нибудь. — Алла Васильевна пожала плечами.

— Да вот думаю... — Таня отставила тарелку и прижала ледяной стакан с морсом к виску. — Только к детской истерике я морально не готова. Сама же помнишь трагедию, когда из-за маминой аллергии пришлось Пушкина отдавать... тебя тогда месяц успокоить не могли. Как-то не хочется повторять...

Алла Васильевна предпочла не беречь детские травмы и промолчала, сухо кивнув.

— Слушай... — Таня вдруг оживилась и заглянула сестре в глаза. — А может, ты его забереешь? «Бете» скучно не будет, пока ты на работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.